

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-43

DOI: 10.17223/19986645/67/9

И.А. Айзикова

ОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА В ОЧЕРКАХ Н.А. КОСТРОВА¹⁵

Анализируются образы ряда сибирских городов, созданные российским, сибирским историком и этнографом Н.А. Костровым в очерках 1860–1870-х гг., в которых создавалось достаточно оригинальное представление о сибирском городском пространстве. Рассматриваются объективированные в очерковых текстах, созданных Костровым в соответствии с важнейшими принципами этого жанра, свидетельства его рецепции сибирских городов, выявляется их уникальность, инаковость по сравнению с городами Европы и европейской части России.

Ключевые слова: Н.А. Костров, очерк, сибирский город, восприятие, образ.

Междисциплинарный интерес к феномену сибирского города очевиден, что подтверждают труды современных историков, социологов, культурологов. Отдельно выделим литературоведческие исследования, посвященные данной теме. Они стали появляться в начале XXI в., вписываясь в актуальную проблематику «локального текста», «городского текста», основоположниками которой являются Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский. Эти пока еще немногочисленные работы посвящены либо образу «сибирского города» в целом, либо образам некоторых крупных сибирских городов, приводимых, как правило, к «общему знаменателю» – образу сибирского города.

Так, например, И.Ю. Кудинова рассматривает образ Красноярска в творчестве В.П. Астафьева, Э.М. Русакова, А.М. Буровского, Р.Х. Солнцева [1]. При этом автор ставит своей целью «построение целостного и релевантного образа сибирского города» [Там же. С. 26]. Образ сибирского города в восприятии и изображении Ф.М. Достоевского реконструируется в статье В.И. Габдуллиной «“Сибирский текст“ Достоевского: образ провинции» [2]. Исследователь, исходя из осмысления феномена «сибирского текста», приходит к выводу, что писатель создает образ сибирского города как типичного провинциального, хотя и вкладывает в него свои воспоминания о конкретных городах, в частности Омске, Барнауле, Кузнецке. «Думается, что, создавая „обобщенный, типический образ провинции“, Достоевский

¹⁵ Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.10.2020 «Подготовка контента для электронной энциклопедии „Словесная культура Сибири“» (институциональные уровни функционирования словесной культуры в регионе), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

воспроизводит не столько „общепровинциальный, стандартный колорит“, сколько свои личные впечатления от сибирской провинции, которые, в конечном счете, во многом совпали с традиционным изображением провинции вообще», – делает вывод автор [2. С. 104]. Отдельный раздел, посвященный сибирскому городу в русской прозе рубежа XIX–XX вв., вошел в докторскую диссертацию Е.Н. Эртнер [3]. В нем анализируется дискурс города в произведениях М. Знаменского, Н. Ядринцева, М. Пришвина. «Опыт познания места свидетельствует о том, что реальность противоречит веками создаваемой символике сибирского города – „города на краю света“ <...>. Смысловая парадигматика сибирского города, определяемая его географическим положением, климатом, историей, общественно-архитектурным устройством и т. д., строится на преодолении приоритета эсхатологической мифологии, в конфликте „своего“ и „чужого“, что и обуславливает сложную, динамичную природу взаимодействия ее реалий в произведениях» [Там же. С. 26].

Образам сибирских городов в очерковой литературе литературоведами уделено еще меньшее внимание. Здесь можно назвать, например, раздел кандидатской диссертации И.Б. Гладковой, посвященный топосам Омска и Иркутска в аспекте мифопоэтики и семиотики «городского пространства» в очерковых книгах и циклах Л.Н. Мартынова и В.Г. Распутина в связи с топосом сибирского города и его эволюции в очерковой прозе 60–80-х гг. XX в. [4]. Образ Томска XIX – начала XX в. в сравнении с Омском, Иркутском и Тобольском в очерках Г.Н. Потанина «Сибирские города» осмыслен в статье Т.Ф. Ляпкиной «Гений места: образы городов глазами «печальника» Сибири» [5].

Завершая свою диссертацию, Е.Н. Эртнер обозначает, пожалуй, общий подход в перечисленных нами исследованиях: «На основании представления „сверх-текста“ русской провинции... можно говорить не только об авторской интенции, но и об экспликации этнокультурного или этнохудожественного сознания» [3. С. 29]. Вместе с тем, думается, что осмысление проблемы изображения сибирских городов в литературе может быть актуализировано и в другом аспекте: не от общей модели к проекции на творчество писателя, а от индивидуальных интерпретаций общепринятой семантики сибирского города, его «имиджа»¹ к сверхтексту «сибирского города». да».

¹ Ср. у *Достоевского*: «маленький... деревянный, невзрачный... похожий более на хорошее подмосковное село, чем на город» [6. С. 5], с дичью, которая летает по улицам и «сама натывается на охотника» [Там же]; город-острог, населенный богатыми купцами, инородцами и ссыльными поселенцами; город со старыми порядками, провинциальными нравами и бытом; и у *Астафьева*: город как противостояние селу, пространство несправедливости к человеку, угрозы природе, кризиса патерналистских ценностей, характерных для сибирского менталитета, место ссылки и тюрьмы; ср. также у *Потанина*: скучный, мещанский, купеческий город, у которого, однако, есть большое будущее, связываемое с сильным культурным воздействием на город и горожан ссыльной интеллигенции, с развитием образования и науки; город как «живой организм, по-

Представляется целесообразным в рамках обозначенной исследовательской парадигмы обратиться к опубликованным на протяжении многих лет в столичных и сибирских периодических изданиях очеркам Н.А. Кострова (1823–1881)¹ о сибирских городах. Значение этих очерков, в свете поставленной проблемы, видится в том, что в них был создан образ сибирского города второй половины XIX в., в значительной мере необычный для своего времени, складывавшийся из восприятия ряда конкретных городов региона.

Имя российского, сибирского историка и этнографа Н.А. Кострова, автора множества трудов по истории, социологии, этнографии Сибири, филологами до сих пор не вписано в историю осмысления и репрезентации региона. Очерковое наследие Кострова, по сути, не изучено, а его сочинения не введены в научный оборот. Между тем его очерки (около 200)² дают большой репрезентативный материал для рассмотрения имагологических и жанровых аспектов проблемы создания образа Сибири в очерковой региональной прозе, одной из центральных тем которой является образ сибирского города.

Попытаемся заполнить данный пробел и в первую очередь обратимся к такой особенности очерков Кострова: они во многом создаются на базе трудов предшественников и современников автора, что сказывается на многогранности представленных им образов сибирских городов. Эти образы рождаются на пересечении разных, уже существовавших «имиджей» сибирских городских поселений, в соответствии с собственными философско-художественными устремлениями очеркиста и поисками русской литературы и культуры, региональной и столичной, второй половины XIX в. Собственно, эти вопросы как конкретизацию общей проблемы, обозначенной в начале статьи, мы и ставим на материале очерковой прозы Кострова, посвященной теме «города Сибири».

Анализ начнем с важного замечания об интересе Кострова к подлинным фактам, достоверным, документально подтвержденным материалам, к созданию у читателя обязательного впечатления правдивости очеркового повествования как невымышленного. Интересующие нас образы сибирских городов находим в следующих публикациях: «Заштатный город Туруханск» (Москвитянин. 1851), «Качинский городок» (Записки Императорского археологического общества. 1853), «Город Минусинск» (Записки Сибирского отдела ИРГО. 1856), «Город Колывань», «Город Нарым», «Город Томск», «Город Кузнецк», «Город Бийск» (Томские губернские ведомости.

стоянно наполняющийся новым содержанием», в том числе благодаря плодотворному синтезу западной и восточной культуры, и вместе с тем сохраняющий целостность своей «сущности», согласуемой «с историко-культурной средой» [5. С. 101]; у Г. Распутина, Л.Н. Мартынова: авторское восприятие сосредоточено на «духе» города, формирующем духовность горожан и их неразрывную связь с ним как малой родиной; сибирский город трактуется как рубеж между прошлым и будущим, как уникальное единство природного и человеческого начал.

¹ О биографии Н.А. Кострова см.: [7. С. 143–154].

² См.: [8].

1866), «Город Каинск», «Город Барнаул», «Город Мариинск» (Там же. 1867)¹, «Город Кузнецк (Историко-статистический очерк)» (Томские губернские ведомости. 1879, 1880). Отдельно выделим «Заметки для истории» Кузнецка, Томска (Там же. 1867), «Города Томской губернии в 1804 и 1805 годах», «Томск сто лет тому назад», «Город Нарым с 1806 по 1818 г.» и т.п. (Томские губернские ведомости. 1869 и 1872), («Поездка в Нарым» (Памятная книжка Томской губернии на 1871 год), «Город Кузнецк (историко-статистический очерк)» (Томские губернские ведомости. 1879), а также статьи об отдельных достопримечательностях того или иного города (например, «Томский Алексеевский монастырь», опубликовано в «Томских губернских ведомостях» в 1873 г.).

Во всех этих публикациях подчеркивается их документальная основа: это факты, добытые самим очеркистом в его поездках по Сибири, совершавшихся по долгу службы, либо почерпнутые им из авторитетных источников. Так, очерк о Кузнецке написан в опоре на сведения о возведении города, взятые Костровым из «Истории Сибири» (СПб., 1787) русско-немецкого историографа, естествоиспытателя, путешественника, члена Императорской Академии наук и художеств в Петербурге, исследователя Сибири Г.Ф. Миллера. Названное сочинение – это первый научный труд по истории региона, созданный на основе многочисленных документов, устной информации, летописей, этнографических, лингвистических, археологических материалов, которые были собраны знаменитым сухопутным Академическим отрядом, входившим в Великую северную экспедицию и занимавшимся обследованием Сибири. Сведения о первых жителях Кузнецка Костров приводит из «Актв исторических» (СПб., 1841–1842), собранных и изданных Императорской археографической комиссией, занимавшейся научным описанием и изданием письменных исторических источников, и из «Записок об Енисейской губернии» И.С. Пестова (М., 1833). Он цитирует архивные царские грамоты кузнецким воеводам, ссылается на издаваемое Императорской академией наук «Полное собрание ученых путешествий по России», в частности т. 6, содержащий «Записки путешествия» естествоиспытателя, академика И.П. Фалька, начальника Оренбургской экспедиции, охватившей Сибирь (СПб., 1824), «Геологическое путешествие по Алтаю» русского геолога, палеонтолога, профессора Московского университета Г.Е. Щуровского (М., 1816), на «Заметки Кузнецкого старожила, г. Конюхова» и др.

В очерке о Минусинске Костров обращается к «Описанию Енисейской губернии» А.П. Степанова, русского писателя и чиновника, первого енисейского губернатора. Очерк «Города Томской губернии в 1804 и 1805 годах» строится на архивных делах 1804 и 1805 гг. Томского губернского ар-

¹ Эти очерки, за исключением «Заштатного города Туруханска» и «Качинского городка», сопровождалась статьями под названием «Статистика г. Барнаула в 1866 г.», «Статистика г. Мариинска в 1866 г.» и т.д., публиковавшимися в тех же «Томских губернских ведомостях» в 1868 г.

хива. Сведения о том, каким был Томск в 1774 г., в год его 170-летия, очеркист берет из т. 3 «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1786) крупнейшего естествоиспытателя, немецкого ученого П.С. Палласа, которому Петербургской академией наук было поручено руководить отрядом Оренбургской экспедиции, занимавшейся исследованием европейской части России, Урала и Сибири в естественно-историческом, экономическом и культурном аспектах. Палласом был собран огромный фактический материал, который и вошел в его «Путешествие». В предисловии к своему труду Паллас подчеркивает достоверность как главное свойство его описания путешествия. Примеры источниковой базы Кострова, весьма авторитетной, можно продолжать. В целом же следует отметить, что столь настойчивое акцентирование Костровым объективности и достоверности своих рассказов о сибирских городах объясняет авторские принципы отбора материала для конструирования их образов, определяет механизм их формирования и в полной мере соответствует выбранному автором жанру очерка.

Обозначенный контекст, к которому активно обращался очеркист, заставлял его описывать сибирское городское пространство как некий тип, но он же приводил Кострова, знакомящегося с этим пространством в его конкретных воплощениях, к необходимости обозначить место каждого сибирского города в общем сибирском и, отчасти, российском пространстве. При этом важно отметить, что Костров, окончивший юридический факультет Московского университета и проработавший несколько лет в Московской межевой канцелярии, был перемещен в Сибирь по службе, на должность чиновника особых поручений при Енисейском губернаторе. Через год он уже исправлял должность начальника 3-го отделения Енисейского губернского правления, впоследствии выполнял обязанности делопроизводителя Енисейского губернского статистического комитета, минусинского окружного начальника, советника Енисейского губернского суда, секретаря Томского губернского статистического комитета и т.п. По замечанию Н.В. Васенькина, назначения Кострова на должности, дававшие ему свободу перемещения по Сибири и свободный доступ к документам, в том числе и архивным, были «тем счастливым случаем, когда должностные обязанности удачно совпадали с его увлечением научными изысканиями» [8. С. 36–37], что позволяло очеркисту видеть конкретные лики общих образов, в частности образа сибирского города и его общепринятых толкований.

Типичность и вместе с тем уникальность каждого из представляемых городов Костров прежде всего усматривал в истории их возникновения. Так, он подчеркивает, что сибирские города возникали как крепости, остроги, временные укрепленные населенные пункты на трансграничных территориях. Их история и развитие, как правило, были связаны с освоением Сибири и с разнообразными взаимоотношениями переселенцев из европейской части России с инородческими сибирскими племенами и жителями соседних государств – Китая и Монголии. Вместе с тем Костров под-

черкивает, что у каждого города формировалась своя история, создавались неповторимые предания и легенды.

Например, в упомянутом очерке «Город Кузнецк» (1879–1880), названном автором «историческо-статистическим очерком», подробно описаны столкновения татар и пришедших им на помощь киргизов с русскими казаками, с которыми был связан выбор местоположения Кузнецкого острога. Историческое, документальное повествование Костров считает необходимым сопроводить изложением преданий татар о постройке Кузнецкого острога. Согласно этим преданиям на месте острога раньше жили абинцы. Когда русские не смогли взять их укрепление, то прибегли к хитрости: через подкоп проникли в укрепление, и абинцы признали их власть над собой. Русского царя заинтересовало, каким ремеслом занимается завоеванный народ. Узнав, что большая его часть – кузнецы, он повелел, чтобы выстроенный на их земле город назывался Кузнецком. Сами же абинцы стали называть город Аба-тура, Абинский город или Отец-город. Иностранцы не желали селиться в Кузнецке, бунтовали, пытались освободиться от русской власти. Согласно преданиям, теленгуты, поддерживаемые татарами, не раз нападали на Кузнецк, проникали в город обманом, убивали горожан, вывозили многие товары, разносили слухи о подходе большого китайского войска к Кузнецку с целью покорить, подвергая в ужас и городское начальство, и горожан.

Костров приводит несколько преданий о попытках иностранцев завоевать Кузнецк. Среди них рассказ о нападении загадочного народа чудь на город, о спасении города двенадцатилетним мальчиком, один на один сразившимся с тюркским племенем тукалцев. Есть и предания, повествующие о победах русских в борьбе за Кузнецк. Костров приводит предание о телеуте Алаганчике, о некоем Серебренникове, отличившемся при набеге калмыков на Кузнецк. Во многих иностранческих преданиях бытует мотив предводительства русским войском седым стариком на белом коне, осеняемым огненным столбом высотой до неба. Позднее русские признали, что в иностранческих преданиях речь шла об Илье-пророке, имя которого стало почтаться в Кузнецке и его окрестностях.

В «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича» (1868) описывается знаменитая Иртышская укрепленная линия, которая должна была обеспечить защиту южных границ Сибири от набегов кочевников. Одна из ее крепостей, Усть-Каменогорская, в 1868 г. получила статус города. Такова же история Змеиногорска, выросшего из крепости, входившей в Колывано-Кузнецкую оборонительную линию, построенную в 1757 г., чтобы защищать серебро-свинцовые рудники у Змеёвой горы. Крупнейшая крепость Иртышской линии – Бахтурминская – была описана Костровым в «Путешествии» так: «Из статистических сведений видно, что в настоящее время число жителей этой крепости простирается только до 500 душ обоего пола: духовного звания 11 душ, штаб- и обер-офицеров 21, а затем остальные – казаки, мещане и разночинцы. Всех домов до 150, из которых два казенных, до 10 принадлежащих разночинцам, а

остальные казакам. Кроме того, в Бухтарминской крепости находится здание военного лазарета, казармы для помещения нижних чинов, провиантский магазин, артиллерийский склад и пороховой подвал, из которого пользуются порохом все занимающиеся зверопромышленностью. Церковь деревянная, на каменном фундаменте» [9. С. 8]. При крепости, построенной для охраны Зыряновского рудника в 1791 г., возникло одноименное село, которое на момент описания его Костровым имело «до 700 домов и до 5 тысяч жителей обоего пола» [Там же. С. 14], оно получило статус города только в 1941 г.

Из острога, построенного в 1633 г., «чтобы утвердить русское владычество над кочевавшими там племенами и обезопасить край от набегов калмыков» [Там же. С. 36], родился Бийск. Появление Томска Костров описывает, также подчеркивая образ крепости, рождающей город: «В начале XVII в. местность нынешнего Томска была обитаема татарскими племенами, из которых главным считало себя племя Еушта, или просто еуштинцы. <...> В 1604 году, князец их, по имени Тоян, видя, что русские более и более покоряют туземные племена и что та же самая участь предстоит и его племени, счел за лучшее покориться добровольно более сильному пришлецу. С этою целью он отправился в Москву и 25 Марта подал царю Борису Феодоровичу челобитную, в силу которой принял наше подданство сам со всем своим родом и со всем подвластным ему племенем в числе 300 человек. Такое предложение не могло быть не принято царским двором и, вследствие этого, казачьему голове Гавриле Писемскому и сыну боярскому Василью Тыркову тогда же приказано было во владениях еуштинских татар построить город. Этот город был Томск» [Там же. С. 53–54].

Рождение Барнаула на фоне истории возникновения многих сибирских городов отличается тем, что связано с постройкой Акинфием Демидовым, основателем горного промысла на Алтае, деревни, «в которой поселились преимущественно рабочие, составлявшие его поисковые партии. Вслед за тем, именно в 1739 году, он устроил уже здесь завод, начавший свое действие в 1744 году, названный Барнаульским от речки Барнаулки, впадающей здесь в Обь. В 1771 году Барнаул переименован городом, и в нем сосредоточено управление всеми заводами и рудниками нынешнего Алтайского горного округа» [Там же. С. 30].

Идентификация описываемых Костровым городов как сибирских осуществляется также через их отождествление с рядом других популярных клише. Так, Минусинск представляется Костровым прежде всего городом, находящимся далеко от Европейской России. Очерк «Город Минусинск» открывается красноречивым сообщением о том, что от Санкт-Петербурга Минусинск отделяют 5428 верст, от Москвы – 4 355, а от китайской границы, ближайшего пограничного знака – 445 верст. Описание многих других городов Сибири Костров также начинает с указания на их крайнюю удаленность от Европейской России, от Москвы и Петербурга как ее центральных точек.

Кроме того, Минусинск описан абсолютно неблагоустроенным, маленьким, деревянным городком (с единственным каменным домом), в котором отсутствуют мостовые и тротуары, многие улицы засыпаны песком, так что ходить по ним очень неудобно. Береговая улица, прилегающая к притоку Енисея, заливается водой. Городская больница не имеет своего здания и размещается в доме для городских преступников, остающемся свободным. В городе дома перемежаются огородами и выгонами для домашних животных. «Зданий, особенно замечательных по красоте своей, здесь нельзя указать ни одного» [10. С. 11]. Минусинск застраивается хаотично, в нем всего 2 квартала, 8 больших улиц и 8 переулков, есть «ничем не замечательная» церковь, «довольно ветхий гостиный двор», 7 лавок, 4 винных подвала, 2 соляных и 2 хлебных магазина, казарма для военных дезертиров. Город малонаселенный, большая часть его жителей – купцы и мещане, что вовсе не означает расцвет торговли или промышленности в Минусинске, где нет ни одной фабрики, не проводится ни одной ярмарки, базары работают только по воскресеньям. Главное занятие минусинцев – земледелие и скотоводство. Вместе с тем в этом описании, дополненном указанием на здоровый климат, одинаково «хорошие» все без исключения времена года, на пустующий дом для преступников, на то, что самым частым и тяжким преступлением минусинцев является воровство, на молодость города, который еще «почти не имеет своей истории» [Там же. С. 10], прочитываются и мысли об органичной близости Минусинска к природе, к патриархальным нравам и быту и о его истории, которая пока еще только начинается.

Таким же малонаселенным, деревянным небольшим городком представлена Колывань. В ней отсутствует какая бы то ни было промышленность, главные занятия горожан – земледелие, скотоводство, пчеловодство и особенно рыболовство в Оби и в озерах, лежащих близ города. Причем очеркист отмечает жалобы колыванцев на «уменьшение улова рыбы», которое они «приписывают пароходству на Оби» [11. С. 9]. Однако оборотной стороной этого является активное развитие торговли в городе, рост купеческого сословия, выдачи им торговых свидетельств. В Колывани проводится Екатерининская ярмарка, правда, продолжается она не более двух недель в году, удовлетворяя потребности горожан в «сельских произведениях окрестных жителей» [Там же].

Близкий к Колывани, Минусинску по многим характеристикам, Нарым отличается наличием ссыльных поселенцев, которые занимаются «ремесленной промышленностью» (однако в цифрах, которыми так любит оперировать Костров, эта «ремесленная промышленность» выглядит практически отсутствующей: в 1864 г. «число ремесленников простиралось только до 10 человек», среди них «1 красильщик, 3 кузнеца, 2 сапожника, 1 портной, 1 плотник, 2 печника»). Основная масса городского населения, как и туземцы, считают занятие ремеслом «как будто бы несколько предосудительным», «обращают все свое внимание только на промысел рыбы» и «улов зверя» [12. С. 8]. Нарымские купцы и мещане заняты торговлей

пушным товаром, который они выменивают у инородцев на хлеб и продают потом в Томске, Ирбите и на Нижегородской ярмарке, а охотники рассчитываются с ними в следующую зиму новыми партиями пушнины.

И в этом очерке отмечается заметное уменьшение «улова», в данном случае лесного зверя, что объясняется лесными пожарами, возникающими из-за небрежности самих зверопромышленников. Торговля рыбой, кедровым орехом, брусникой и проч. также происходит путем перекупки этих товаров оптом, вследствие чего дело доходит до парадокса: в Нарыме бывает невозможно купить несколько фунтов стерляди, осетрины, налима, которые пудами отправляются на перепродажу в Томск.

Бийск также живет в основном торговлей: с инородцами идет обмен табака на пушнину, кроме того, горожане, прежде всего купцы, довольно активно торгуют с китайцами, привозящими из приграничных пикетов чай, хлопчатобумажные изделия и покупающими у бийских торговцев пушнину и лошадей. В самом городе ежегодно проводится всё та же Екатерининская ярмарка, переезжающая из одного сибирского города в другой. Бийск выделяется также наличием двух училищ, для мальчиков и для девочек. Заведения содержатся за счет города, пожертвований и денег, вырученных от розыгрыша лотерейных билетов.

На этом фоне выделяется Мариинск. Такой же молодой, как Минусинск, Мариинск между тем уверенно идет в сторону промышленного города. Костров связывает это в первую очередь с тем, что он стоит на большом сибирском тракте, «в местности довольно населенной и хлебородной» [13. С. 5]. Отличительной чертой Мариинска называется и то, что более половины его населения относится собственно к городским сословиям, остальные, однако, как и в других сибирских городах, крестьяне, военные, дворяне, духовенство. На момент написания очерка в Мариинске работало 4 завода: мыловаренный, кожевенный, 2 кирпичных, 51 человек занимается ремеслами, это – хлебники, булочники, мясники, портные, сапожники, печники, столяры, медники, шорники, коновалы.

Лучшим, «образцовым» сибирским городом в публикациях второй половины 1860-х гг. Костров называет Барнаул. Критериями такой оценки является, прежде всего, развитие города как промышленного центра. «В 1867 году в Барнауле, – указывает Костров в «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича», – считалось заводов 25, фабрик 2, промышленных и хозяйственных заведений 25» [9. С. 31]. Кроме того, в Барнауле сосредоточено управление всеми заводами и рудниками Алтайского горного округа. Барнаул, собственно, возводился А. Демидовым как промышленный город, его основным населением изначально были горнорабочие.

Показателем развитости, по сибирским меркам, Барнаула, по Кострову, является, кроме промышленных предприятий, сезонная Введенская ярмарка, наличие около 2 тысяч домов, 5 церквей (одна из них, Димитриевская, особо выделяется прекрасной живописью), 91 лавки, театра. Кроме того, в упомянутом выше «Путешествии по Томской губернии Великого Князя

Владимира Александровича» Костров пишет о наличии в городе Горного училища, 2 библиотек и «метеорологической обсерватории, устроенной по мысли Гумбольдта, стараниями графа Канкрин» [Там же]. Особенно выделяются, по мнению Кострова, здания горного ведомства: горного правления, завода, училища, химической лаборатории, а также памятник основателю Барнаула, Демидову, на главной площади города. Однако наряду с этим в Барнауле, отмечает очеркист, насчитывается 3 винных магазина, 8 питейных домов (при 2 богоугодных заведениях), 2 места заключения, 15 полицейских будок.

Многие публикации Кострова посвящены Томску, его истории. Так, в «Заметках для истории г. Томска» Костров представляет историю заселения острога, превратившегося со временем в город. Этот процесс представляется в духе современных Кострову идей колонизации Сибири как важнейшего фактора ее развития: в острог привезли «служилых людей и на пашни» из Верхотурья, из зырян. Царской грамотой воеводе Плещееву и голове Хлопову постановлено было выбирать для отправки в Томск молодых, сильных, умеющих стрелять (для обороны от кочующих киргизов, угрожающих новопостроенному городу). Пашенных крестьян следовало выбирать для переселения в Томск «добрых, прожиточных и семьянитых», «лучших людей», со всем «пашенным заводом», они составили «некоторого рода аристократию местного населения». Местные власти поддерживали переселенцев небольшой суммой денег и зерном. В результате к середине XVII в. Томск «заведывал уже довольно обширную страну. В подчинении ему состояли города Енисейск, Кетск, Нарым, Красноярск и Кузнецк» [14. С. 7].

В «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича» Томск представлен Костровым не только городом с богатой историей, которую во многом определяли переселенческое движение из Центральной России и отношения с инородческими племенами, но и с развитой промышленностью. По сравнению со многими сибирскими городами Томск довольно плотно, как отмечает очеркист, заселен. Жители города работают на 62 заводах и 27 фабриках, в 68 промышленных и хозяйственных заведениях. Во время своего пребывания в Томске великий князь посетил воинский госпиталь, казармы, арестантскую роту, заведения Приказа общественного презрения, острог, детский тюремный приют и находящуюся при нем мастерскую, мужскую и женскую гимназии, Мариинский приют г. Асташева, еврейскую синагогу и учрежденную при ней богадельню [9. С. 60]. Важной характеристикой города, по Кострову, является наличие в нем 14 православных и 7 иноверческих церквей.

Кроме того, очеркист называет Томск «рынком целой Сибири». Ежегодно в городе проводится Томская ярмарка, на которой «торгуют, большей частью, местные купцы. Предметы торговли – хлеб, соль, скот и мясо, рыба, мед, воск и разные крестьянские изделия» [Там же]. В одной из публикаций, составленной Костровым из фрагментов «Воспоминаний о путешествии по Сибири» норвежского астронома, физика Х. Ханстена (1784–1873), который провел в Западной Сибири 1828–1830 гг. в поисках магнит-

ного полюса Земли, находим описание устройства дома одного из томских купцов, куда ученых отправили на постой. Первое, что отмечено в описании Ханстена, – большая кухня с английской печью (хотя еда приготавливалась в русской печи), с покрытым коврами полом, с выскобленными добела столами и лавками. Хозяйка обратила на себя внимание гостей не только крайней чистоплотностью и гостеприимством, но и тем, например, что она обедает с прислугой и забирается на печь, чтобы в свободное время вести разговоры с нею. Зал, по наблюдению Ханстена, тоже составлял странный контраст, по сравнению с простотой нравов: «...там стояла мебель из орехового дерева и два великолепных... зеркала от самого потолка почти до полу. Образа были украшены драгоценными камнями» [15. С. 11]. Не умея ни читать, ни писать и тем более говорить по-немецки (однако дети хозяйки учатся и чтению, и письму по литографированным прописям), добродушная Степанида проявила талант общения со своими иностранными гостями с помощью жестов. Она удивила их многими деталями своего поведения: в ответ на то, что они, прощаясь, поцеловали ей руку, поцеловала их в щеку, потом, набросив на себя меховую накидку, вышла провожать их на улицу и стояла у дороги, пока их повозка не скрылась из глаз, и др. Гости оценили хозяйку и за «совершенство в делах житейских». Так, например, в течение двух часов в тридцатиградусный мороз эта неграмотная женщина приняла товар, отправленный мужем их Кяхты и отправила его далее, в Нижний Новгород: речь шла о шести троичных возах, нагруженных ящиками чая. В целом Ханстен делает вывод о жизни сибирской купеческой семьи как «странной смеси роскоши и простоты», в которой «проглядывает» всюду «что-то здоровое и могучее» [Там же].

Особенностью описаний сибирских городов, сделанных Костровым в «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича» (1868), является пристальное внимание очеркиста к их окрестностям. Именно здесь можно встретить достопримечательности, отсутствующие в городе. Так, например, окрестности Бухтарминска «замечательны в археологическом отношении. На одной из скал р. Бухтармы есть следы как бы конского копыта и человеческой ступни», указывает Костров и далее приводит предания, связанные с этим изображением: «...будто бы какой-то богатырь, преследуемый врагами, поднялся сюда на лошади и совершил счастливый скачок чрез широкую Бухтарминскую долину; напротив, некоторые утверждают, что эти следы иссечены в недавнее время при постройке крепости» [9. С. 11]. «Киргизы, – продолжает Костров, расширяя и углубляя культурологические и исторические контексты своего повествования, – называли это „Адамовым шагом“ и оказывали особое почитание памятнику, который казался им столь же древним, как и самое верование» [Там же]. И далее: «На равнине, между гранитными горами, есть также много старинных чудских могил, свидетельствующих о прежней густоте народонаселения здешнего края в древнейшие времена». Костров указывает также на некоторые, открытые Е.Е. Мейером камни «с грубо на них иссеченными и, впро-

чем, едва приметными человеческими лицами», и на описанные Г.И. Спасским пещеры «с неизвестными письменами» [Там же. С. 12].

Необычайной природной красотой, переданной очеркистом весьма поэтически, отличаются окрестности Змеиногорска, особенно дорога до деревни Саушки: «...все это пространство представляет на каждом шагу самые разнообразные и восхитительные виды. С левой стороны на голой степи близ самой деревни лежат группами огромные гранитные массы, изображая то хижины, то стога сена, то башни, замки и т.п. В 8 верстах от деревни Саушкиной, вправо от большой дороги, заблистало зеркало Колыванского озера. Горы, обступающие его, как нельзя более живописны. Мягкие вечерние лучи солнца представляли чудную игру на них света и тени. Зелень, которую покрыты горы, казалась то темною, то ярко-голубою. Легкий туман висел над этим чудным амфитеатром гор. Какой вид должен быть ночью при луне!» [9. С. 22]. Свой пейзаж Костров подтверждает описанием Колыванского озера, сделанным профессором Г.Е. Щуровским, оно не менее поэтично: «Колывань – озеро, как огромное круглое зеркало, лежало в весьма фантастической раме, между самыми живописными гранитными скалами. Без всякого преувеличения, найдете тут всевозможные сравнения с древними замками, с развалинами готических зданий, с падающими башнями, со многими искусными произведениями, с некоторыми животными и человеческими фигурами. При первом взгляде на Колывань-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается к нему все внимание. Перебегая взорами от одного предмета к другому, ни на чем не можешь остановиться; хотелось бы одним разом все впечатлеть в своей памяти» [Там же. С. 23].

Достопримечательностью описываемых окрестностей являются знаменитые курганы, признаваемые многими как древние могилы или маяки, возле которых «находятся иногда истуканы из камня, грубой работы, называемые русскими и инородцами *старухами, девками, богатырями*» [Там же. С. 24]. В связи с курганами – древними могилами Костров вновь приводит предание о «неизвестном народе чудь»: «Перед пришествием русских, в Сибири вдруг стала произрастать береза, о которой до той поры никто и не слыхал. Удивленные белым цветом коры этого дерева, чудаки создали своих шаманов и стали спрашивать их, чтобы это значило! Шаманы отвечали, что появление белого дерева значит то, что скоро придут воины белого царя и покорят их. Чудаки пришли от этого в такой ужас, что вырыли ямы и заживо погребли себя в них» [Там же. С. 28–29]¹.

¹ Далее Костров описывает музей, существующий при Горном училище Барнаула – «с зоологическими, минералогическими и этнографическими коллекциями и собраниями моделей разных рудников Алтайского округа. В музее особенно обращают на себя внимание различные вещи, добытые из чудских могил и относящиеся к далекой древности Сибири; множество гербариев, заключающих в себе образцы всей флоры Алтая, и чучелы животных, водящихся на Алтае, в том числе чучелы двух тигров, убитых в горном округе» [Там же. С. 31].

«Чудно хороши» в описании Кострова и окрестности Томска, примыкающая почти к черте города тайга: «Чудно хороша эта тайга... в хорошую погоду, при ярком утреннем или мягком вечернем освещении солнца. Около самой дороги толпятся огромные кусты акации, черемухи и боярки, и все это в цвету, то желтеет, то белеет, а несколько шагов далее – и темно-зеленая стена тайги» [9. С. 44–45].

Таким образом, обобщая сказанное, подчеркнем, что в образах сибирских городов, созданных Костровым в очерках, сформировался такой тип пространства, которое находится в процессе сложного развития, более или менее успешного и динамичного. История того или иного города органично дополняется описанием их настоящего статуса и состояния. Поддерживая такие черты сложившегося к середине XIX в. общероссийского и европейского имиджа сибирских городов, как удаленность от Центральной России, от цивилизации, малонаселенность, неотделенность еще, по существу, от сельского пространства, Костров подчеркивает тем самым их «инаковость», заключающуюся в тесном переплетении здесь прошлого (иногда совсем недалекого, по меркам европейских городов, а иногда уходящего в древность гораздо более глубокими корнями, чем в центральной России и Европе) и настоящего, которое пока робко высвечивает их будущее. Как «иную» представляет Костров и культуру сибирских городов: не накопившие собственно городских достопримечательностей, они окружены широким уникальным пластом древнейших культурных памятников, рукотворных и словесных, и вечных природных ценностей. Это определило угол зрения очеркиста на сибирских горожан, также не совсем еще отделившихся от земледельцев и скотоводов, рыболовов и охотников, но уже устремивших свои усилия в промышленность, торговлю, в цивилизацию, не теряя при этом исконных черт своей ментальности. В центре внимания автора многоликость, многословность, многонациональность и многослойность социокультурного пространства сибирских городов, что связано с происходящей по объективным причинам встречей на этих территориях коренных народов края и переселенцев из Центральной России. В рамках этих представлений Костров высоко оценивает процесс колонизации Сибири, практически не допуская в своих очерках каких бы то ни было критических интонаций в трактовке темы покорения Сибири, которая интерпретируется им, в отличие от областников, скорее как цивилизаторская.

Литература

1. Кудинова И.Ю. Сибирский город в художественной литературе // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2012. № 6 (24).
2. Габдуллина В.И. «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции» // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 93–106.
3. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.
4. Гладкова И.Б. Топос Сибири в русской очерковой прозе 1960–1980-х годов (Л.Н. Мартынова, В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова): семантика, генезис, эволюция : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

5. Ляпкина Т.Ф. «Гений места: образы городов глазами «печальника» Сибири» // *Studia culturae*. 2016. № 1 (27). С. 93–106.
6. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972. Т. 4.
7. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012.
8. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. 10. 47 с.
9. Костров Н.А. Путешествие по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича. Томск, 1868.
10. Костров Н.А. Город Минусинск» // Записки Сибирского отдела ИРГО. 1856. Кн. 2.
11. Костров Н.А. Город Колывань // Томские губернские ведомости. 1866. № 40.
12. Костров Н.А. Город Нарым // Томские губернские ведомости. 1866. № 42.
13. Костров Н.А. Город Мариинск // Томские губернские ведомости. 1867. № 6.
14. Костров Н.А. Заметка для истории г. Томска // Томские губернские ведомости. 1867. № 41.
15. Костров Н.А. Из «Воспоминаний о путешествии по Сибири», соч. Ганстеена // Томские губернские ведомости. 1868. № 18.

The Image of a Siberian City in Nikolay Kostrov's Essays

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 174–188. DOI: 10.17223/19986645/67/9

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Nikolay Kostrov, essay, Siberian city, perception, image.

The article is supported by the TSU Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.10.2020.

The article analyses the images of Siberian cities created by Nikolay Kostrov, a Russian Siberian historian and ethnographer, in his essays of the 1860s–1870s. The essays created a fairly original idea of the Siberian urban space. The article examines the evidence of Kostrov's reception of Siberian cities, objectified in essay texts written in accordance with the most important principles of this genre, and thus reveals the cities' uniqueness in comparison with the cities of Europe and the European part of Russia. Kostrov builds his images of Siberian cities at the intersection of their different "images" created by their predecessors, and through the prism of his own ideas about Siberia and the ways of its development. The essayist represents a type of space that is developing in a more or less successful and dynamic complex way. The desire to understand the history of a particular city organically complements city portraits with descriptions of their current status and condition. Supporting the features of the all-Russian and European image of a Siberian city established by the middle of the 19th century: remote from Central Russia, from civilization, sparsely populated, and still essentially inseparable from rural space, Kostrov thus emphasizes their "otherness", which consists in the close intertwining of the past (sometimes not far away, by the standards of European cities, and sometimes going back to antiquity with its roots much deeper than in Central Russia and Europe) and the present that timidly highlights their future. Kostrov also presents the culture of Siberian cities as "other": the cities are surrounded by a wide unique layer of ancient man-made and verbal cultural monuments and eternal natural values. This determined Kostrov's point of view on the Siberian townspeople, also not yet completely separated from farmers and cattle breeders, fishermen and hunters, but already directing their efforts to industry, trade, and civilization, without losing the original features of their mentali-

ty. Kostrov focuses on the diverse, multi-class, multi-ethnic, and multi-layered sociocultural space of Siberian cities, which is the result of a meeting of the indigenous peoples of the region with migrants from Central Russia, which is taking place for objective reasons. Within the framework of these ideas, Kostrov highly evaluates the process of colonization of Siberia; in his essays, he practically does not allow any critical intonations in the interpretation of the theme of the conquest of Siberia, which he, in contrast to Siberian regionalists, interprets as civilizing.

References

1. Kudinova, I.Yu. (2012) Siberian city in fiction. *Diskussiya*. 6 (24). (In Russian).
2. Gabdullina, V.I. (2016) The “Siberian text” of Dostoevsky: the image of the province. *Kul'tura i tekst*. 3 (26). pp. 93–106. (In Russian).
3. Ertner, E.N. (2005) *Fenomenologiya provintsii v russkoy proze kontsa XIX – nachala XX veka* [Phenomenology of the province in Russian prose of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
4. Gladkova, I.B. (2004) *Topos Sibiri v russkoy ocherkovoy proze 1960–1980-kh godov (L.N. Martynova, V.G. Rasputina, P.N. Rebrina, I.F. Petrova): semantika, genezis, evoltsiya* [Topos of Siberia in Russian essay prose of the 1960s – 1980s (L.N. Martynova, V.G. Rasputin, P.N. Rebrin, I.F. Petrov): semantics, genesis, evolution]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
5. Lyapkina, T.F. (2016) Genius loci: views of cities in the look of Siberian “pechalnik”. *Studia culturae*. 1 (27). pp. 93–106. (In Russian).
6. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
7. Shevtsov, V.V. (2012) “*Tomskie gubernskie vedomosti*” (1857–1917) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [Tomskie gubernskie vedomosti (1857–1917) in the sociocultural and informational space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Vasen'kin, N.V. (2000) Knyaz' Nikolay Alekseevich Kostrov i ego arkhiv v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Prince Nikolai Alekseevich Kostrov and his archive in the funds of the Scientific Library of Tomsk State University]. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. X. Tomsk: [s.n.].
9. Kostrov, N.A. (1868) *Puteshestvie po Tomskoy gubernii Velikogo Knyazya Vladimira Aleksandrovicha* [A Journey of Grand Duke Vladimir Alexandrovich through the Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.].
10. Kostrov, N.A. (1856) Gorod Minusinsk [City of Minusinsk]. *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. 2.
11. Kostrov, N.A. (1866) Gorod Kolyvan' [The city of Kolyvan]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 40.
12. Kostrov, N.A. (1866) Gorod Narym [City of Narym]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 42.
13. Kostrov, N.A. (1867) Gorod Mariinsk [City of Mariinsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 6.
14. Kostrov, N.A. (1867) Zametka dlya istorii g. Tomsk [A note for the history of Tomsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 41.
15. Kostrov, N.A. (1868) Iz “Vospominaniy o puteshestvii po Sibiri”, soch. Gansteena [From “Memoirs of a Travel in Siberia” by Hansteen]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 18.